

УДК 831.161.1.09 Булгаков.

DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165

РАЗРУШИТЕЛЬНОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ ЛИЧНОСТИ И ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА И Л.Н. АНДРЕЕВА

Чупкова О.В.

*Московский государственный областной университет
105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы отношения человека к гражданской войне и переживаний из-за несоответствия нравственных идеалов и исторических реалий. В творчестве М.А. Булгакова это было отражено в рассказе «Красная корона». Таким же идейно-нравственным посылом обладает рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех». Оба писателя проводят исследование состояния души человека под влиянием смертельной опасности и чувства вины за происходящие кровопролития. Позднее в пьесе «Бег» Булгаков показал нравственные мучения генерала, осознавшего свою вину за причинённое людям зло. Через сравнительно-сопоставительный анализ рассказов и пьесы автором статьи формируется вывод об отношении двух русских писателей к разрушительным последствиям войны.

Ключевые слова: противоречия, рассказ от первого лица, лейтмотив, антитеза, деталь, символ.

DESTRUCTIVE COLLISION OF PERSONALITY AND WAR IN THE WORKS OF M. BULGAKOV AND L. ANDREEV

O. Chupkova

*Moscow Region State University
10A, Radio st., Moscow, 105005, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the analysis of the problem of the attitude of a person to the Civil War and drama caused by the discrepancy between moral ideals and historical realities. In the works of M. Bulgakov, this was reflected in the story "The Red Crown". The same ideological and moral message has the story of L. Andreev "The Red laughter". Both writers study the state of the human soul under the influence of mortal danger and guilt for the ongoing bloodshed. Later in the play "The Run" Bulgakov showed the moral torment of a general, who realized his guilt for the evil he caused to people. Through comparative analysis of stories and plays by the author of the article, a conclusion is drawn about the attitude of the two Russian writers to the destructive consequences of the war.

Key words: contradictions, first-person narrative, leitmotif, antithesis, detail, symbol.

В своих ранних рассказах Булгаков показывает героев, которым до участия в военных действиях не приходилось сталкиваться с суровой реальностью всераз-

рушающих противоречий. Столкновение с жестокостью войны обнаруживает, что человека очень легко сломить, если отнять у него идеалы и мечты. Казалось бы, высшие нравственные понятия, в частности гуманность и следование чувству долга, губят двух героев из рассказа «Красная корона» (1922). Произведение, написанное от первого лица, можно назвать дневником человека, пережившего страшное потрясение, которое уничтожило его рассудок. Этот дневник адресован безымянному генералу, который послал на смерть юношей сражаться за утопическую идею.

Можно предположить в названии рассказа аллюзию на рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех» (1904), посвящённый событиям русско-японской войны. В письме к Горькому Андреев писал: «Война сумасшедших с сумасшедшими – достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: безумие и ужас» [1, с. 317]. Подобный ракурс авторской позиции, преломляемый через образ безумного героя-повествователя, становится лейтмотивом повести И. Шмелёва о Первой мировой войне «Это было» (1919). Он открывает читателю своё болезненное состояние: «Пьяная смерть разделявала надо мной канкан. Я приходил то в отчаяние, то в безумный ужас ... пытался задавить себя на ремешке от брюк и терял сознание ... проклинал и молился ...» [12, с. 4], но война продолжала неумолимо терзать его поверженный рассудок.

Перед читателями «Красной короны» предстаёт образ безымянного сумасшедшего, который плохо ориентируется в перипетиях окружающего мира, но осознаёт одно: ему не уйти от

себя, от отголосков боя, которые преследуют его с навязчивостью мании. Не случаен медицинский подзаголовок, который дан в скобках, – «История болезни». В статье Н.Н. Богданова «Михаил Булгаков как психолог» читаем: «Врач по образованию и, осмелюсь утверждать, по всему образу своих мыслей, он позволяет себе оригинальный, чтобы не сказать большего, способ раскрытия своих героев: ставит их в условия жестокого стресса – стресса уже не психологического, а прямо-таки физиологического» [3, с. 17]. Причиной заболевания героя-рассказчика стало осознание невыполненного долга, подавленность от беспомощности перед суровой реальностью.

В рассказе Булгакова, как и в «Красном смехе», сумасшедшего преследует образ погибшего брата Коли. Постепенно повествователь утрачивает смысл существования в мире, где всё погрязло в жестокости. Испуганный человек плохо ориентируется в реальности, все ценности мира вызывают у него только неприязнь: «Больше всего я ненавижу солнце, громкие человеческие голоса и стук» [4, с. 443]. Его не оставляет стыд за собственное малодушие, отсутствие отваги и решительности, вдохновлявшие его младшего брата.

Главный герой «Красной короны» неизлечимо болен и знает об этом. Но безумец нашёл в болезни утешение: «Никто не имеет права меня взять» [4, с. 443] – заставить воевать, убивать. Позже в inferнальной пьесе «Бег» (1926–1928) генерал Хлудов говорит, что у него в связи с безумием устранилась ответственность перед самим собой, притупилось осознание вины: «Я больше никому не смогу причинить

вреда» [5, с. 274]. А.Н. Варламов писал, что в «Беге» «показан безо всякого героизма и ссылок на петлюровцев крах белой и превосходство красной силы. Здесь прозвучала во весь голос тема жестокости белогвардейцев» [6, с. 99].

Безумец в «Красной короне» панически боится перемен, смены власти, изменений в оформлении документов, поскольку во время гражданской войны власти менялись часто, и какая-нибудь справка то помогала уйти от казни, а то, наоборот, вела к жестокой расправе.

Первое, что увидел герой Булгакова в Бердянске, – фонарь с повешенным рабочим. Возле фонаря герой-резонёр Андреева узнал, что несколько тысяч человек погибли в ходе боевых действий. Фонарь – не просто причина страха героя «Красной короны» за свою жизнь, это полное отсутствие ориентиров в кромешном хаосе гражданской войны: «В сущности, ещё раньше Коли со мной случилось что-то. Я ушёл, чтоб не видеть, как человека вешают, но страх ушёл вместе со мной на трясущихся ногах» [4, с. 443]. Б.В. Соколов заметил: «К помешательству героя рассказа приводит малодушие, проявленное тогда, когда он не сумел воспротивиться генералу-вешателю, не выступил против казни рабочего в Бердянске ... протест против насилия – моральный долг всякого интеллигентного человека» [9, с. 20]. Булгаковский интеллигент восстаёт против жестокости открыто только в состоянии сумасшествия: «Теперь я смело бы сказал: “Господин генерал, вы – зверь! Не смейте вешать людей”» [4, с. 444]. В пьесе «Бег» Серафима осмелилась сказать генералу то, чего не решился произнести безымянный сумасшедший:

«Сидит на табуретке, а кругом висят мешки. Мешки да мешки!.. Зверюга! Шакал!» [5, с. 235]. В третьем действии пьесы обезумевший Хлудов замечает: «Дорого мне обошлась эта станция» [5, с. 263], – место, где он приказал повесить людей, подозревая в них красных, и правдивого вестового. А в финале четвёртого действия и генерал-майор Чарнота жестоко осуждает поступки генерала Хлудова: «Я, Рома, обозы грабил? Да! Но фонарей у меня в тылу нет! ... Империю Российскую ты проиграл, а в тылу у тебя фонари!» [5, с. 277]. Сам Хлудов понимает, что от самобичевания ему не спастись: «Я помню армии, бои, снега, столбы, а на столбах фонарики... Хлудов пройдёт под фонариками!» [5, с. 275]

В рассказе Булгакова, как и в пьесе, присутствует идея очищения через страдание, но автором подчёркивается, что осознание непомерной вины обесценивает жизнь, приводит героев к мысли о самоубийстве: «Я сам застрелюсь, и это будет скоро, потому что Коля доведёт меня до отчаяния» [4, с. 444]. Здесь находят отражение чувства самого Булгакова, тревожившегося за судьбу младших братьев во время гражданской войны.

Подобные эмоции испытывал и безымянный герой «Красного смеха»: «Куда бы вы ни стреляли, мне всё попадает в мозг» [1, с. 146]. В рассказе Андреева в качестве яркой антитезы «до» и «после» войны выступает образ кабинета, где на столе стоит нетронутый пыльный графин с водой – как символ непрожитой жизни, уничтоженной войной. У Булгакова в «Красной короне» – это воспоминание об уютной комнате, весёлом голосе Коли и партитуре «Фауста» на рояле, то есть

о родительском доме, в котором всё сохранилось, «как до проклятых дней» [4, с. 447]. Здесь выражена мысль о том, что война касается всех. П. Фокин писал: «Фактически гражданской войной были охвачены не только противоборствующие политические силы и ведомые ими войска, но и мирные граждане, обыватели всех мастей и сословий» [11, с. 8].

Для героя «Красной короны» вечерний кошмар выражается через влияние рассеянного света: «Сумерки – страшное и значительное время суток. Всё гаснет, всё мешается» [4, с. 444]. Хлудов также боится вечерней поры: «У нас – мгла и шуршание» [5, с. 245], – с печальной иронией ожидает он прихода ночной тьмы, приносящей с собой кошмары.

Разделённых вихрем гражданской войны двух братьев соединяет материнская любовь. В порыве отчаяния и тоски по младшему сыну мать требует от старшего невозможного: спасти Колю от самого себя, то есть от принятого им нравственного выбора: «Я вижу – безумие. Ты старший, и я знаю, что ты любишь его. Верни Колю. Верни. ... Ведь всё равно его убьют. Ведь жалко? Он – мой мальчик. Кого же мне ещё просить? Ты старший» [4, с. 444–445]. Эта клятва стала проклятием для главного героя – началом разрушения его сознания. Повествователя обижают горячая забота матери о младшем сыне и почти что чёткое невнимание к нему самому (ведь он тоже её сын). Сосредоточенный на собственных переживаниях, герой-повествователь упрекает несчастную женщину: «Мать малодушна» [4, с. 445]. Он изначально чужд любому кровопролитному действию, но, дав слово матери, спешит

в самую гущу сражения. Рассказчик до этого не брал в руки оружия, он не умеет и не хочет учиться воевать, он уверен, что любая война – это зло и потеря близких людей, поэтому панически боится приближаться к готовому начать сражение эскадрону.

В рассказе Л. Андреева читаем: «Я не понимаю войны и должен сойти с ума, как брат, как сотни людей. ... Потеря рассудка мне кажется почётной, как гибель часового на посту» [1, с. 168]. Л.Н. Толстой в письме автору от 17.11.1904 писал: «В рассказе очень много сильных картин и подробностей, недостатки же его в большой искусственности и неопределённости» [10, с. 245]. Нельзя не согласиться с мнением Э.С. Афанасьева, который замечает в творческом методе Л. Андреева «повышенную экспрессивность стиля и преднамеренную условность образов и ситуаций» [2, с. 11]. Герой-повествователь у Булгакова словно продолжает путь героя Андреева: «Господин генерал, я согласен, что я был преступен не менее вас, я страшно отвечаю за человека испачканного сажеей, но брат здесь ни при чём. Ему девятнадцать лет» [4, с. 445]. Обращение безумного героя «Красной короны» к генералу красной нитью проходит через рассказ. Но и генералу хотелось бы найти себе оправдание. Старший брат обращается к генералу, а генерал – к главнокомандующему: «Вы понимаете, как может ненавидеть человек, который знает, что ничего не выйдет, и который должен делать? Вы стали причиной моей болезни! ... Мы оба уходим в небытие» [5, с. 245]. Тупики исторических событий оборачиваются нравственной мзкой и безмерной душевной болью для их участников. Ав-

тор делится с читателем своими тревогами и выражает сострадание к людям своего поколения.

Описывая место схватки, Булгаков показывает, что прелесть летнего дня резко контрастирует с происходящим вокруг, а тревожное состояние человека и событий противоположно окружающему пейзажу: «Необыкновенно был яркий день» [4, с. 445]. В рассказе Андреева, наоборот, пейзаж иллюстрирует состояние героя: «Солнце было так огромно, так огненно и страшно, как будто земля приблизится к нему и скоро сгорит в этом беспощадном огне» [1, с. 136].

Главный герой рассказа Булгакова не хотел понимать, что привело младшего брата на войну, просто попытался распорядиться его судьбой: «Лишь только из деревни вернёшься, едешь со мной в город. И немедленно отсюда, и навсегда» [4, с. 445]. В этой сцене прослеживается осознание inferнальности происходящего: «В первой шеренге с краю он ехал, надвинув козырёк на глаза. Всё помню: правая шпора спустилась к самому каблуку. Ремешок от фуражки тянулся по щеке под подбородок» [4, с. 445]. Старший брат был счастлив, что нашёл младшего, но не осознал, что он пришёл к воину, чтобы запретить ему исполнить долг. Яркая антитеза характеров братьев, их взглядов на жизнь говорит о том, что они, вероятно, не были близки и дружны прежде. Старший не просто держит слово, данное матери, – он оберегает в себе иллюзорную надежду, что от гражданской войны можно спрятаться за стенами родительского дома. Выстрелы и крики людей кажутся герою-повествователю чем-то нереальным, странным, изматывающим

душу. А юноша-воин уверен, что творит судьбу будущего мира. Младший брат, подобно мифологическому персонажу, мчится на коне в самую гущу сражения, а старший ожидает окончания боя на безопасном расстоянии: «Что может случиться за один час? Придут обратно. И я стал ждать у палатки с красным крестом» [4, с. 446]. Беспечная мечта о том, что всё встанет на свои места, подвергнута сомнению: старший брат стоит возле палатки с красным крестом, что символизирует искупительную Жертву.

Трагизм происходящего передан через цветовые символы: «Странный маскарад. Уехал в серенькой фуражке, вернулся в красной. И день окончился. Стал чёрный щит, а на нём цветной головной убор» [4, с. 446]. По экспрессионистическому накалу повествования Булгакова напоминает о космических ассоциациях Л. Андреева: «Во вселенной произошла какая-то катастрофа ... исчезли голубой и зелёный и другие привычные и тихие цвета, а солнце загорелось красным бенгальским огнём» [1, с. 143]. Осколок гранаты, убивший во время сражения младшего брата, уничтожил и жизнь старшего, который не воевал, а только ожидал исхода боя. Красным ореолом война короновала братьев: одного – смертью, другого – безумием. Каждую ночь «коронованный» Коля стал являться в кошмарах автору дневника: «Стой. Стой здесь. ... Я не могу оставить эскадрон» [4, с. 445], – последние слова младшего брата навсегда врезались в память старшему, ранили его рассудок.

Герой Андреева, беседуя с братом, находит определение случившемуся аду: «Красный смех» [1, с. 163]. Оба

писателя в разные годы открывали для себя печальную истину: война – кровавая насмешка над человеком, над его способностью мыслить и понимать. Персонаж Андреева постепенно сходит с ума от осознания катастрофы, которая произошла с цивилизацией: «Что-то огромное, красное, кровавое стояло надо мною и беззубо смеялось» [1, с. 176]. В.В. Вересаев, который участвовал в русско-японской войне, писал о рассказе Андреева: «... Упущена из виду самая страшная и самая спасительная особенность человека – способность ко всему привыкать. “Красный смех” – произведение большого художника-неврастеника, больно и страстно переживавшего войну через газетные корреспонденции о ней» [7, с. 384]. Но автор «Записок врача» не учёл, что Андреев склонен к экзальтации, что несвойственно военным.

В тексте рассказа «Красная корона» не упоминается о том, что пришлось испытать Коле на войне. Свои переживания обнажает только старший брат. Война вынесла смертельный приговор младшему, а врачи старшему – «безнадёжен». Он и не спорил, потому что «не тает время» [4, с. 448] вины. Каждую ночь он говорит с погибшим: «Зачем ты ходишь? Я всё осознаю. С тебя я снимаю вину на себя, за то, что послал тебя на смертное дело» [4, с. 447-448]. Сумасшедший понимает, что преждевременная смерть людей нарушает равновесие бытия и сурово винит себя в непоправимых событиях.

Но больше всего герой винит генерала, пославшего необстрелянных юношей на изначально проигранную войну. Он желает ему увидеть подобный кошмар, осознать ответственность за погибших и на поле битвы, и на

площадях, где казнили рабочих: «Кто знает, не ходит ли к вам тот грязный, в саже, с фонаря в Бердянске? ... Помогать вам повесить я послал Колю, вешали же вы. По словесному приказу, без номера» [4, с. 448]. Логично, что в пьесе «Бег» Булгаков показывает генерала, увидевшего призрака повешенного, говорившего с ним. Сначала он обвинял главнокомандующего, который сделал его палачом: «Кто бы вешал? Вешал бы кто? Ваше превосходительство» [5, с. 233]; а потом и самого себя: «Пойми, что ты просто попал под колесо, и оно тебя стёрло, и кости твои сломало. ... Ведь ты был не один. О нет, вас много было! ... Войну проиграли. И выброшены. А почему проиграли? ... (Таинственно указывая себе за плечо). Мы-то с ним знаем!» [4, с. 247-248, 273-274]. Л.М. Яновская отметила, что «Хлудов, с его трагическим желанием смотреть правде в глаза, с его солдатской готовностью держать ответ за содеянное» [13, с. 16], выступает в роли обвинителя и палача для самого себя.

Рассказ «Красная корона» по жанровому своеобразие не просто очерк или дневник – это публичная исповедь человека, обличающего несовершенство и бездушие цивилизации XX в.

Значимость для Булгакова образа красной короны подчёркивает упоминание о нём в романе «Белая гвардия» – квинтэссенции размышлений писателя о разрушительной роли гражданской войны в судьбе поколения. Булгаков запечатлел красную корону на Николке в мистическом пространстве сна-предупреждения, который увидела «золотая» Елена. Творческий метод Булгакова сложился «во время разломное, коренное для эпохи,

историческое в своих ускользающих мгновеньях. ... Золотым запасом жизненных впечатлений Булгакова стала гражданская война» [8, с. 5], – писал В.Я. Лакшин. Гражданская война встревожила его душу видением красной короны, дала писателю горький опыт страданий, осознание гуманистических ценностей и онтологической истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Л.Н. Избранное. М.: Олимп, 2003. 413 с.
2. Афанасьев Э.С. Повесть Л.Н. Андреева «Иуда Искариот»: «Психология предательства» // Литература в школе, 2016. № 2. С. 11-15.
3. Богданов Н.Н. Михаил Булгаков как психолог // Литература в школе, 2015. № 8. С. 14-18.
4. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. 702 с.
5. Булгаков М.А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 3. Пьесы. М.: Художественная литература, 1990. 704 с.
6. Варламов А.Н. Михаил Булгаков. М.: Молодая гвардия, 2012. 848 с. [Серия ЖЗЛ]
7. Вересаев В.В. Леонид Андреев // Вересаев В.В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1985. 448 с.
8. Лакшин В.Я. Мир Михаила Булгакова. М.: Художественная литература, 1989. 112 с.
9. Соколов Б.М. Михаил Булгаков: загадки судьбы. М., 2008. 92 с.
10. Толстой Л.Н. Собр. соч. : в 6 т. Т. 6. М., 1982. 626 с.
11. Фокин П.Е. Булгаков глазами современников. СПб.: Амфора, 2016. 415 с.
12. Шмелёв И.С. Это было // Шмелёв И.С. Собр. соч. : в 5 т. Т. 7 (дополнительный). М.: Русская книга, 1999. 592 с.
13. Яновская Л.М. Записки о Михаиле Булгакове. М., 2007. 79 с.

REFERENCES

1. Andreev L.N. *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Olimp Publ., 2003. 413 p.
2. Afanas'ev E.S. [Novel "Judas Iscariot" by L. Andreev: "Psychology of betrayal"]. In: *Literatura v shkole* [Literature in school], 2016, no. 2, pp. 11–15.
3. Bogdanov N.N. [Mikhail Bulgakov as a psychologist]. In: *Literatura v shkole* [Literature in school], 2015, no. 8, pp. 14–18.
4. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij. T. 1* [Collected works. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 702 p.
5. Bulgakov M.A. *Sobranie sochinenij. T. 3. P'esy* [Collected works. Vol. 3. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 704 p.
6. Varlamov A.N. *Mikhail Bulgakov* [Mikhail Bulgakov]. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 2012. 848 p.
7. Veresaev V.V. [Leonid Andreev]. In: *Veresaev V.V. Sobranie sochinenij. T. 3* [Veresaev V. Collected works. T. 3]. Moscow, Pravda Publ., 1985. 448 p.
8. Lakshin V.YA. *Mir Mihaila Bulgakova* [The world of Mikhail Bulgakov]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1989. 112 p.
9. Sokolov B.M. *Mihail Bulgakov: zagadki sud'by* [Mikhail Bulgakov: the mysteries of fate]. Moscow, 2008. 92 p.
10. Tolstoi L.N. *Sobranie sochinenij. T. 6* [Collected works. Vol. 6]. Moscow, 1982. 626 p.
11. Fokin P.E. *Bulgakov glazami sovremennikov* [Bulgakov through the eyes of contemporaries]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2016. 415 p.
12. Shmelev I.S. [It was]. In: *SHmelev I.S. Sobranie sochinenij. T. 7* [Shmelev I. Collected works. T. 7]. Moscow, Russkayakniga Publ., 1999. 592 p.

13. Yanovskaya L.M. *Zapiski o Mihaile Bulgakove* [Notes about Mikhail Bulgakov]. Moscow, 2007. 79 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чупкова Ольга Владимировна – аспирант кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: monika6465@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga Chupkova – postgraduate student at the Department of the Russian literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: monika6465@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чупкова О.В. Разрушительное столкновение личности и войны в произведениях М.А. Булгакова и Л.Н. Андреева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 158-165
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165

FOR CITATION

Chupkova O.V. Destructive collision of personality and war in the works of M. Bulgakov and L. Andreev. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian philology*, 2017, no. 5, pp. 158-165
DOI: 10.18384/2310-7278-2017-5-158-165